

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ САЛТЫКОВА с М. И. СЕМЕВСКИМ

Сообщение И. Троицкого

Публикуемая ниже запись разговора с Салтыковым от 6/II 1882 г. взята нами из хранящегося в ИРЛИ Академии Наук СССР переплета бумаг редактора-издателя «Русской Старины» М. И. Семевского, озаглавленного им «Материалы к воспоминаниям». Переплет этот сборного содержания, и хранящиеся в нем очень разнородные по ценности материалы никак не объединены. Своего намерения написать мемуары Семевский так и не успел осуществить.

Запись эта дает довольно ценный биографический материал для истории административной карьеры Салтыкова; отдельные же детали имеют более широкое значение и представляют на первый взгляд интерес и для идеологической характеристики писателя. Знакомство с текстом создает однако впечатление несколько неожиданное. Салтыков рисует самого себя довольно розоватым либералом в духе милутинской школы. Для того чтобы понять происхождение этого странного обстоятельства, нужно учесть физиономию его собеседника — автора записи.

Мы знаем М. И. Семевского как посредственного историка-фактографа и основателя и редактора «Русской Старины», в замечательном архиве которого сохранилось много первоклассных исторических и литературных памятников, публикация которых и по сей час еще приносит различные сюрпризы. В свое время это была довольно заметная фигура петербургского либерально-бюрократического круга. Вот его полный титул, им самим опубликованный:

«Тайный советник, бывший товарищ С.-Петербургского городского головы, член археографической комиссии, почетный член археологического института, почетный член общества археологии, почетный член Ростовского музея, почетный член Петровско-астраханского общества, член обществ: истории, географии, антропологии и минералогии, член восьми губернских архивных комиссий, член-сотрудник ученых обществ при трех университетах, член литературного общества и общества любителей российской словесности, член статистического комитета, член королевского общества истории в Лондоне, почетный член общества птицеводства и редактор-издатель журнала «Русская Старина».

Для того чтобы напечатать такой титул в собственном журнале, нужно было обладать поразительным бюрократическим бесвкусием. Таков был М. И. Семевский и во всем: в политических взглядах, застывших на уровне пресноводного либерализма 60-х годов, и в исторических своих работах, и в подборе материалов для редактируемого им журнала, где наряду с действительно ценными источниками печаталось множество меморативной макулатуры, и в публичных речах своих, которые он очень любил проносить и которые по отзывам современников «насколько отличались обилием красивых фраз, настолько же были лишены всякого содержания».

При всем том М. И. Семевский в оценке Салтыкова известный вкус проявлял: он действительно считал его гениальным сатириком и как при жизни, так и после смерти писателя уделил ему в своем журнале ряд хвалебных страниц. Трудно судить, да и не интересно, в какой мере его оценка не была повторением обычного трафарета, не была свойственным его литературной манере готовым и по существу бессодержатель-

ным штампом. Для нас важно то, что Семевский проявлял по отношению к Салтыкову определенный интерес.

Интерес, проявленный М. И. Семевским к кому бы то ни было, никогда не был бескорыстным и всегда как-то обязывал то лицо, на которое он распространялся. Семевский был великим ловцом исторических материалов и умел заставить людей работать на себя. В форме ли воспоминаний или устных рассказов, или наконец записей в альбом, которые предприимчивый владелец публиковал под заголовком «Мои знакомые», но без дани никто почти не мог уйти от этого цепкого собирателя фактов. «Теперь все почти штатные и заштатные Периклы и Эпаминонды,— писал в своем фельетонном словаре современников В. Михневич,— на досуге пишут свои «Воспоминания», поскольку они не растерялись в них от долголетнего беспорочного делания «истории государства Российского» и обязательно адресуют и посвящают их Миханлу Ивановичу для «Русской Старины»,— конечно безвозмездно». Но не только отставные Периклы и Эпаминонды составляли круг данников «Русской Старины». Ее поставщиками являлись и доживавшие свой век частью раскаянные, а частью сохранившие юный жар декабристы, и пергащенцы, и другие представители общественной мысли. В этом смысле «Русская Старина» в период редакторства Семевского все же выгодно отличалась своим хотя бы и пошловатым либерализмом от махровой реакционности ее конкурента — «Русского Архива» (также достаточно реакционный «Исторический Вестник» в интересующее нас время только что появился и еще не играл особой роли).

Салтыков конечно оценивал по достоинству Семевского, бывшего по существу одним из салтыковских либеральных персонажей. Великий сатирик, для которого история была прежде всего историей крестьянского горя и помещичье-бюрократического произвола, который знал, что «история только потому и признается поучительной, что она сплошь из одних обид состоит» («Убежище Монрепо»), не мог конечно принимать всерьез историографическую ценность Семевского. Общее отношение свое к официальному фактографам он лучше всего формулировал в письме к А. Н. Пышину по поводу статьи А. С. Суворина в «Вестнике Европы», посвященной «Истории одного города»: «...Рецензент упрекает меня, что я сделал это в пику Шубинскому и другим подобным историкам. Но что такое Шубинский? По моему мнению — это своего рода тип (разряда моя.— И. Т.) или говоря гончаровскими словами «вещественное выражение не-вещественных отношений». Шубинский это человек, роющийся в и серьезно принимающий его за золото. Шубинский — это тип, положим, крайний, но никто не мешает и возвеличить его, т. е. возвести в квадрат и куб — все же будет Шубинский» («Неизданные письма», «Academia», 1932, стр. 35).

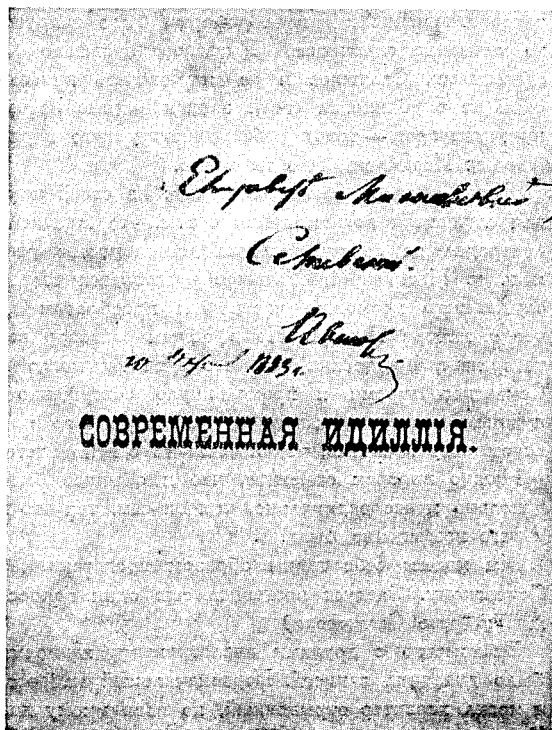
В произведениях Салтыкова М. И. Семевский упоминается неоднократно, конечно не в столь резких выражениях, как в вышеприведенном письме. Но и здесь он попадает на свою полочку, и никакой разницы между ним и реакционным издателем «Русского Архива» Салтыков не делает. Так современный Митрофан из введения к «Господам ташкентцам», «благодаря гг. Бартеневу и Семевскому, знает не мало анекдотов из истории просветительной деятельности XVIII века и, заручившись ими, считает себя уже совершенно свободным от цивилизованных отношений вообще». Базаров в интерпретации Салтыкова «на красоту вообще взирает с той же точки зрения, с какой г. Семевский взирает на русскую историю» («Признаки времени»). Такие примеры можно бы и умножить, но и этого достаточно, чтобы признать, что Салтыков отнюдь не строил себе иллюзий относительно общественной и научной ценности своего собеседника.

И при всем том Салтыков и автобиографии свои для Семевского составлял, и в меморативные беседы с ним пускался. Дело в том, что историк города Глухова прекрасно понимал, что и сам он материал для истории и как-то довольно часто оглядывался на «Русскую Старину» как на наиболее все же достойный из современных ему журналов.

И в произведениях его, и в письмах мы находим указания, что то-то и то-то — материал для будущей «Русской Старины». И сам он сообщал анекдоты из своей био-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯРА
«СОВРЕМЕННОЙ ИДИЛЛИИ» С
ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ САЛ-
ТЫКОВА Е. М. СЕМЕВСКОЙ
ОТ 10 ОКТЯБРЯ 1883 г.

Институт Русской Литературы,
Ленинград

графии М. И. Семевскому для «Русской Старины» 90-х годов» («Письма». Л., 1925, стр. 283). И поскольку не было никаких оснований отказываться от сообщений интересовавших Семевского фактов, Салтыков и удовлетворял его интерес, хотя замечание Семевского о том, что в начале беседы писатель (а встреча по всем данным была условленная) «был не в духе», представляет в этом смысле деталь довольно любопытную.

Семевский мог заинтересовать Салтыкова и особым манером. В беседе упоминаются записки Я. А. Соловьева, печатавшиеся в это время в «Русской Старине». Но то место, о котором идет речь, было напечатано только в мартовской книжке журнала за 1882 год, разговор же происходил 6 февраля. Очевидно Семевский принес Салтыкову рукопись записок Я. А. Соловьева, в которой содержались данные о его служебной деятельности, и отсюда вероятно и весь характер разговора, посвященного предреформенным годам.

Что же мог Салтыков сказать Семевскому? Свое отношение к «великим реформам» он довольно отчетливо, хотя и в завуалированной эзоповским языком форме выразил в своих произведениях, но сидевший перед ним поклонник недавно «в бозе почившего» по приговору народовольцев царя-освободителя меньше всего воспринимал эту сторону салтыковской сатиры. Не мог же автор «Глуповского распутства» процитировать своему собеседнику характеристику Зубатова (олицетворение либеральной бюрократии с Александром II во главе), который «первый заприметил Иванушек, но справедливость требует сказать, что заприметил тогда, когда уже и нельзя было не заприметить их,— это первое. Во-вторых, в ту минуту, когда он заприметил, то не возрадовался и не стал кричать как оглашенный, но смеялся и начал путать (доказательством, что это справедливо, служит то, что он продолжает путать даже и до этого дня). В-третьих, не он открыл Иванушек, а Иванушки открыли сами себя. В-четвертых, наконец, когда Иванушки упали к нему, как снег на голову, он вздохнул и вздохнул об вас, Сидорычи!» Не мог всего этого сказать Салтыков сидевшему перед ним, потому что тот хотя и не был Сидорычем, но все же составлял плоть от плоти Зубатова, и для него

такое отношение к «эпохе реформ» было надругательством над святыней. А принимая во внимание склонность Семевского поспешно делиться с публикой добытыми им сведениями, Салтыков и не мог сказать ничего цензурного. Действительно Семевский не опубликовал своей записи видимо потому только, что приберет ее для будущих мемуаров — таких собеседников у него в ряду заштатных генералов и прочих отставных Периклов было не много.

Таким образом Салтыков извлек из своей памяти наиболее безобидные и доступные для слушателя воспоминания о том, что Ланской был не человек, а кисель, о том как пострадал за «обличительную деятельность» реакционер П. И. Мельников-Печерский, и т. п. Настоящий Салтыков чувствуется только в характеристике Шидловского, послужившего возможно частичным прообразом для градоправителей города Глухова вроде майора Прыща. Но в общем разговор вертелся повидимому вокруг различных историко-канцелярских тем, что едва ли могло особенно увлечь Салтыкова, хотя для Семевского время и промелькнуло совершенно незаметно. Недаром Салтыков счел нужным подчеркнуть, что он всегда был по призванию писателем и о службе своей вспоминает неохотно, что и печатать о ней ничего не стоит и т. п.

Нужно впрочем отметить, что и обычное бытовое окружение Салтыкова было значительно менее радикально, чем он сам, так что привычка к «либеральному разговору» у него несомненно была.

Мы можем себе таким образом представить, что и почему рассказывал Салтыков Семевскому. Следует поставить еще один вопрос: в какой мере запись воспроизводит живую речь Салтыкова?

Знакомство с другими аналогичными записями Семевского показывает, что у него было два типа записей. Первоначальный набросок делался в самый момент разговора и носил характер отрывочный, но повидимому довольно близкий к содержанию беседы. Затем он перерабатывался уже в связанное изложение с живой речью, но при безвкусице и литературной сухости Семевского индивидуальные черты рассказчика стираются, проглядывая только в отдельных деталях. Вообще Семевский добросовестно старался передавать чужие слова, ничего от себя не привнося, но удавалось это ему лишь относительно. Особенно чувствуется авторство в тех записях, которые делались без первоначальных набросков, по памяти, — обычно это происходило тогда, когда собеседник был настолько высокопоставленным или так неохотно делился своими сведениями, что Семевский считал неудобным делать заметки.

И публикуемая запись сделана очевидно по памяти, Семевский сам оговаривает, что здесь имеется лишь «кое-что из беседы». Естественно, мы имеем право отнести ряд моментов за счет преломления беседы в сознании передающего. Едва ли например Салтыков особенно похвалялся тем, что «государь сам был его читателем и защитником», это собственно из предшествующего рассказа и не вытекает, но так понял Салтыкова Семевский, для которого именно это и было важно — недаром он был устройтелем «коммеморативных» обедов 19 февраля, на которые безуспешно пытался приглашать и Салтыкова.

Вместе с тем следует отметить, что при некоторых легко объяснимых давностью событий ошибках в фактических деталях память Салтыкова работала очень точно. В этом смысле характерно подчеркивание им встречи с Я. А. Соловьевым именно в 1860 г., упоминание о Шувалове как директоре департамента общих дел (что имело место именно в 1860 г.) и т. п. Эти обстоятельства его чреватой всяческими неприятностями чиновной карьеры очевидно крепко запомнились Салтыкову.

Из всего вышесказанного оценка материала кажется должна быть ясна: мы можем с полным доверием отнестись к фактической стороне записи, круг же затронутых Салтыковым вопросов вызван характером его собеседника, на счет которого надлежит отнестись тон и манера изложения.

И. Троцкий

МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ САЛТЫКОВ

(6 февраля 1882 г.)

Приехал к нему сегодня в 12 час. дня. Сидит в кабинете, за корректурой, в халате. Лицо усталое, как бы налитое водянойкой, болезненное. Когда говорит — сильная отдышка, точно астма его душит, когда ходит — ногу слегка волочит, точно одна у него слегка тронута параличем. Вообще наружный вид нашего гениального сатирика заставляет желать ему здоровья, так как именно здоровья ему о[чень], о[чень] недостает. В начале был не в духе; потом постепенно одушевился и час времени пролетел — секундой. Вот кое-что из его беседы.

«Возвращен я из Вятки С. С. Ланским¹ в 1856 году, до коронации.— Приехал я в Спб; был я тогда советником Губер. Правления,— явился к Ланскому — и заявил, что ехать я, хотя бы и с повышением, в провинцию не желаю. Меня причислили к Министерству.— Директором Хозяйственного Департамента был в то время Н. А. Милютин². Он взял меня под свое покровительство. Дали мне большую работу: составить исторический обзор того, что было пожертвовано после войны 1812 года на помощь пострадавшему населению, как велики были бедствия населения и что сделано было в пользу пострадавшим; а в параллель с этим я же сделал обзор того, как велики были нужды в населении, пострадавшем после войны 1853—1855 гг., что было пожертвовано на помощь пострадавшим — эта работа вела к определению того, что должно было сделать для пострадавших во время войны 1853—1855 гг. Весь труд этот был напечатан особою запискою, и его можно найти в М-стве³.

Живя в Спб., именно в это время я посылал и печатал в «Русском Вестнике» мои «Губернские очерки». — Было нас тогда в М-стве Вн. Дел два литератора, причастных к «обличительной литературе». Я и Мельников (Пав. Ив.)⁴. В Госуд. Сов. при встречах с Паниным⁵, Ростовцевым⁶, быть может Чевкинским⁷, — Ланской выносил из-за нас не мало нападок. Особенно доедал его Панин, который жаловался даже однажды государю, что де «управлять нельзя Министерством, обличительная литература вмешивается во все» и т. п. — Ланской был, в сущности, человек вполне хороший, гуманный, но это был кисель-человек; просто либеральный кисель и поддавался влиянию вблизи его стоящего человека; но ко мне относился он очень хорошо. Не устоял однако под нападками Папина и К⁰, призывает Ланской Мельникова и требует, чтобы тот не писал в журналах. — Мельников прибегает ко мне и сообщает об этом. — Ну, стало быть и до меня дело касается. Иду к Ланскому. Спрашиваю его. Старик весь покраснел и говорит: «Это до вас вовсе не касается».

До какой степени он еще сам тогда не определился по отношению к либеральным реформам, в важнейшей из которых ему вскоре довелось быть вожаком⁸, видно из следующего: в августе 1856 года, за несколько дней до отъезда Ланского на коронацию в Москву, получаю от него приглашение на чашку чая, на Аптекарский Остров, на дачу Министра. Застаю у него только Гвоздева⁹, человека тогда такого, от которого все зависело в Министерстве; он держал Ланского в руках. — Говорит этот Гвоздев так почтительно: «ваше высокопревосходительство, вот де говорят, что скоро подымеется вопрос об уничтожении крепостного права и что вы...» (Гвоздев — как мошенник, был сам, конечно, крепостник в душе, самый отчаянный.) И что же вы думаете? — «Нет, этого ни за что не будет; или будет — по крайней мере очень не скоро», отвечал Ланской и отвечал с твердостью! Вот тебе и человек. Просто был кисель, а не человек.

В 1858 году — кажется, именно в апреле, Ланской представил меня особым докладом в вице-губернаторы, в Рязань; но при этом, чтобы оградить себя, счел, конечно, необходимым объяснить, что де вот это тот самый Салтыков, который пишет и проч. Чтож бы вы думали? Государь, утверждая доклад, говорит: «И прекрасно; пусть едет служить, да делает сам так, как пишет», т. е. так, как желает, чтобы действительно делали хорошо.

Как видите, в то время государь сам был моим читателем и защитником.

Когда меня из Рязани перевели вице-губернатором в Тверь, тогда при Мин. Вн. Дел, в особой комиссии, обсуждалась реформа уездной полиции. Меня, как ближайшего вице-губернатора, и как, почему-то, как эксперта, вызвали в эту комиссию. И я жил тогда месяца два в С.-Петербурге в 1860 году. Встретил я в комиссии: Н. А. Милютину, бывшего тогда товарищем министра, Я. А. Соловьева¹⁰, Н. И. Стояновского¹¹, Спб. губерн. Смирнова¹², гр. Петра Анд. Шувалова¹³, бывшего тогда директором департамента общих дел, и еще нескольких лиц, кого именно не помню. Ну, полиция, как известно, была тогда ужасно нелепая. Городская была врозь от земской; мошенику стоило только выйти за городской выгон и он уже попадал в ведение земской полиции, и городская заводила о нем переписку с земской. Ну, словом, нелепость была изрядная.—Комиссия много толковала. Шувалов был на ножах с Милютиным; но играл граф Шувалов довольно жалкую роль; против него в комиссии были все; поддерживал его только один Смирнов; говорил часто и я против него. Ну-с, проходят годы. Я в 1867 году в Туле, председателем Казенной палаты. Пишет ко мне Рейтерн¹⁴, что на меня беспрестанно жалуется губернатор Шидловский¹⁵, что де я его, губернатора, держу в осаде, кричу на него и проч. Вижу я—пахнет отставкой; а тогда положение мое как писателя не было еще прочно. «Современник» был закрыт; «Отеч. Записки» не перешли еще к Некрасову. Выходить в отставку не находил я еще возможным. Нечего делать; еду в Спб. объясняться. Иду к Рейтерну. Выясняется дело, что граф Шувалов, управл[яющий] тогда III Отделения, нажаловался на меня государю. И государь согласился на то, чтобы «Салтыкова убрать как беспокойного человека из Тулы».

А дело состояло в том, что Шидловский, губернатор тульский, уже тогда был сумасшедший, у него болезнь была в ухе, и когда она бывало начнет нажимать на мозг, он дурел и выкидывал глупости, против которых я и говорил, и спорил. Только несколько лет спустя, сделавши Шидловского товарищем министра, заметили, что он был сумасшедший.—Он умер. «Не сходить ли мне к гр. Шувалову объясниться?» говорю я Рейтерну.—«А что же, сходите, это не лишнее». Отправляюсь к Шувалову. Принимает весьма любезно. «Вы, граф, уверили государя, что я человек беспокойный?»—«А что же, неужели вы, г. Салтыков, разубедите меня в том, что вы человек не беспокойный?»—«С чего же вы взяли это?»—«О, я вас очень хорошо и давно знаю, еще с того времени, когда мы встречались с вами в комиссии по преобразованию полиции,—говорит мне весьма любезно Шувалов,—припомните, как вы тогда вели себя?»

«Как я себя вел?—воскликнул я, весь покраснев от негодования и вскочил с места.—Как я себя вел? Да ведь я был членом комиссии, так же как и вы, ведь я высказывал свое мнение, свое убеждение! Ведь я думал, что я дело делаю! А если мое мнение было несогласно с вашим, так ведь из этого не следует, чтобы мне теперь ставили вопрос: как я себя вел». Шувалов также встал и, увидев мое негодование, стал меня успокаивать, уверяя, что он ни мало не думал меня обидеть и проч.

«Нет-с, вы однако, доложили государю, что я беспокойный человек; я вас прошу непременно доложить теперь, что я был у вас и объяснялся с вами».

«Ну, помируйте,—мы люди такие маленькие, что невозможно о нас и нами утруждать государя. Между его велич[еством] и нами такая дистанция огромная...»

«Нет, позвольте! должно быть не столь огромная, если государю докладывают, что я беспокойный человек и что вызывают его на решение убрать меня. Я вас прошу непременно обо мне доложить и о моем с вами объяснении».

«Хорошо, доложу».

Ну, уж конечно и расписал он меня!

Тем не менее тогда я не был уволен в отставку, а переведен председателем Казенной палаты в Рязань.

И вот сюда уже, месяцев шесть спустя, пишет ко мне Рейтерн, что де и рязанский губернатор—Болдырев¹⁶ (тот самый, что потом был под судом) пишет, что я и его

держу в осаде, как держал Шидловского; что жалобы двух губернаторов в III Отделение вызывают его, Рейтерна, на необходимость предложить мне подать в отставку.

А я только что собирался это сделать сам. «Отечеств. Записки» перешли в это время к Некрасову, меня пригласили быть постоянным сотрудником этого журнала, и я с удовольствием бросил службу, да и не хочу о ней вспоминать! Я писатель по призванию. Еще в лицее меня все тянуло к литературному труду; выйдя из лицея, я 20-летним юношей написал повесть, после которой отправился в Вятку¹⁷; и вообще, куда бы и как бы меня ни бросала судьба, я всегда бы сделался писателем, это было положительно мое призвание. Я. А. Соловьев упоминает в своих записках¹⁸, что я, в бытность мою при М-стве Вн. Дел (1856—1858 гг.) чиновником особых поручений, составил по поручению м-ра обзор всех мнений о нашей полиции и составил предположение о том, как ее исправить. Я только сделал свод мнений, вызывавшихся рядом нескольких министров внутренних дел, из которых каждый, в свою очередь, пытался преобразовать полицию и из этого ничего не выходило — пока не освободили крестьян. Затем я решительно не помню, составлял ли я какие предположения об исправлении полиции, или нет, но если и составлял, то записка моя должна быть очень слабая и голословная и вообще не стоившая внимания¹⁹.

Вообще, повторяю,— о времени моей службы я стараюсь забыть. И вы ничего о ней не печатайте. Я — писатель, в этом мое призвание».

На мое однако замечание, что если бы он не прошел всех стадий службы (кто на Руси не служил!), тогда, быть может, он и не стал бы тем, что он теперь, т. е. не знал бы так Русь и всю ее бюрократию,— Салтыков согласился с этим.

Кабинет нашего гениального сатирика в два окна; он очень прост; оклеен лиловатыми обоями, и стены его украшены тремя большими, карандашом исполненными портретами: его жена (рожд. Болтина), сын и дочь. Тут же, в кабинете, два бюста Салтыкова, исполненные Забело и кем-то другим. В гостиной, над диваном, висит превосходно писанный Крамским портрет Мих. Евграфовича.

«Сижу я все дома. Никуда не выхожу и не выезжаю,— говорил Салтыков, меня провожая и после беседы о разных современных событиях,— изредка лишь бываю у А. М. Унковского,— благо близко живет, да иногда вечером у В. П. Лихачева — здоровье плохо, жить доводится недолго. Слышите, какой у меня кашель».

М. Е. Салтыкову всего лишь 56 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ланской, Сергей Степанович, граф (1787—1862) — министр внутренних дел в 1855—1861 гг.

² Милаютин, Николай Алексеевич (1818—1872) — известный либерал «эпохи реформ», игравший видную роль в проведении крестьянской реформы; под давлением реакционно-крепостнических кругов ушел в 1861 г. из министерства внутренних дел.

³ Возможно, что Салтыков имеет в виду составленный им в 1856 г. свод распоряжений по призыву государственного ополчения, для написания которого он специально выезжал в Тверскую и Владимирскую губернии и знакомился там с материалами губернских комитетов ополчения. Поручение, о котором он здесь говорит, согласно данным, приводимым К. К. Арсеньевым в биографическом очерке о Салтыкове, не значится в его послужном списке.

⁴ Мельников-Печерский, Павел Иванович (1819—1883). Выдвинувшись гонениями против раскола в бытность чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе, с 1855 г. состоял при министерстве внутренних дел.

⁵ Панин, Виктор Никитич, граф (1801—1874) — министр юстиции в 1840—1861 гг. Яркий крепостник, «глава самой дикой, самой тупой реакции», по выражению Герцена, Панин в период крестьянской реформы представлял линию наиболее крайних реакционеров и вызвал в «Колоколе» энергичную разоблачительную кампанию.

⁶ Ростовцев, Яков Иванович (1803—1860) — один из любимцев Николая I, выдвинувшийся благодаря предательству в деле декабристов. В качестве председателя Главного комитета по крестьянскому делу занимал относительно либеральную позицию.

⁷ Чевкин, Константин Владимирович (1803—1875) — в то время главноуправляющий путями сообщения. Примыкал к крайним крепостникам.

⁸ Выражение «довелось быть вожаком» нужно принимать с большой осторожностью. С. С. Ланской действительно играл известную роль в деле проведения крестьянской реформы, но преимущественно пассивную, оппортунистически склоняясь на сторону тех групп, которые получали в тот или другой момент известное превосходство. Термин «вожак» либо не принадлежит Салтыкову, либо был употреблен Салтыковым применительно к настроению своего собеседника.

⁹ Гвоздев, Алексей Алексеевич — директор департамента общих дел министерства внутренних дел с 1849 г.

¹⁰ Соловьев, Яков Александрович (1820—1876) — умеренный либерал, ставленник Н. А. Милютина, в 1857—1863 гг. заведывал земским отделом министерства внутренних дел. Записки его о «Крестьянском деле» печатались в течение ряда лет в «Русской Старине».

¹¹ Стояновский, Николай Иванович (1820—1900) — деятель судебной реформы. В указываемый период числился герольдмейстером департамента герольдии Сената.

¹² Смирнов, Николай Михайлович (1808—1870) — петербургский губернатор, реакционер, муж известной в истории литературы своими записками А. О. Смирновой-Россет.

¹³ Шувалов, Петр Андреевич, граф (1827—1889), в 1860 г. состоял директором департамента общих дел министерства внутренних дел; в 1861 г. — начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделением. В 1866—1874 гг. — шеф жандармов, позже — посол в Англии.

¹⁴ Рейтерн, Михаил Христофорович, граф (1820—1890) — министр финансов; в 1862—1878 гг. Салтыков был подчинен ему по должности председателя казенной палаты.

¹⁵ Шидловский, Михаил Романович (1826—1880). Пробыл тульским губернатором до 1870 г., когда вышел в отставку; однако в том же году назначен начальником Главного управления по делам печати, а в 1871 г. — товарищем министра внутренних дел. В 1874 г. был уволен в отставку «по слабости здоровья». Даже доброжелатели его отзывались о нем как о представителе «внешних форм, несколько напоминавших военную дисциплину времени Николая I» («Русская Старина» 1903, № 6, стр. 553). Выше мы отметили, что мотив сумасшедшего градоправителя, о безумии которого догадываются с большим запозданием, использован Салтыковым в «Истории одного города».

¹⁶ Балдырев, Николай Аркадьевич — вице-губернатор в Рязани с 1866 г.

¹⁷ Салтыков имеет в виду «Запутанное дело», напечатанное в мартовской книжке «Отечественных Записок» за 1848 г.

¹⁸ В напечатанной в мартовской книжке «Русской Старины» за 1882 г. части записки Я. А. Соловьева «Крестьянское дело в 1858 г.» читаем: «Высочайшим повелением, объявленным 17-го февраля 1858 г., возлагалось на министра внутренних дел (Ланского) и министра государственных имуществ (Муравьева) представить: соображения об усилении земской полиции, в виду предстоящего преобразования крестьянского быта. Дело о полиции, точно так же как вообще об уездных и губернских учреждениях, производилось в земском отделе, потому что мне известно не менее крестьянского. Оказалось, что в министерстве внутренних дел существовала особая комиссия о преобразовании полиции, делопроизводителем которой был М. Е. Салтыков, тогда чиновник особых поручений министра внутренних дел и писатель, тогда и ныне известный в литературе под псевдонимом Щедрина. Я получил от него все производство и обширную записку, в которой заключалось: и историческое обозрение предположений о преобразовании полиции, и подробный разбор всех недостатков полицейского устройства; но, сколько я помню, никакого окончательно формулированного проекта не было» («Р. Старина» 1882, т. XXXIII, стр. 562). Очевидно это место в рукописи Семевский показывал Салтыкову.

¹⁹ Записка М. Е. Салтыкова «об устройстве градских полиции» сохранилась в его бумагах. Предлагая коренное переустройство полиции, Салтыков следующим образом характеризовал ее состояние: «В России благотворное действие полиции почти незаметно; что касается до ее злоупотреблений и сопряженных с всеобщим ущербом вмешательств в частные интересы, то они не только заметны, но оставляют по себе несомненно весьма вредное впечатление. Всякий, кто не праздно жил в провинции и всматривался в окружающие явления, без труда поймет справедливость этого замечания. В провинции существует не действие, а произвол полицейской власти, совершенно убежденной, что не она существует для народа, а народ для нее» (Сочинения Салтыкова, изд. Маркса, т. I, стр. 45, биографический очерк К. К. Арсеньева). В записке Салтыкова действительно содержались предположения «об исправлении полиции», но конечно с позиций Салтыкова в 1882 г. этот плод его чиновничьей деятельности не мог заслуживать особого внимания.